

Тематически связанные ссылки:

И.Эренбург. Заговор равных
А.Собуль. От террора к Консульству: национальная проблема и социальные реальности
А.Манфред. Египетский поход Бонапарта
Дж.Туган-Барановский. На пути к брюмеру
Дж.Туган-Барановский. Наполеон и Республиканцы: из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.
В.Сироткин. Тильзитский мир
В.Рогинский. Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г.
К.Бочоришвили. Орден Почетного легиона при Наполеоне I
А.Манфред. О Наполеоне (из литературного наследия)
К.Симонов. Наполеон
М.Додолев. За кулисами наполеоновской дипломатии
Р.Резник. Наполеон в «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака
В.Марков. Иллирийские провинции Наполеона

Эти и другие работы
о Буонапарте Наполеоне (НАПОЛЕОНЕ БОНАПАРТЕ)
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Раиса Азарьевна Резник
НАПОЛЕОН
в «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ» ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

Французский ежегодник 1985
М.: Наука. 1987. С.117-138

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Бальзак много раз называл себя историком и даже «больше историком, чем романистом»¹: противопоставление, вызванное тем, что в его время романами, по канонам старой поэтики, еще продолжали именовать произведения чисто развлекательного характера, тогда как глубокое идейное содержание и общественное значение принадлежали трагедии и эпосу. Сравнительно редко прибегая по этой причине к термину «роман», Бальзак выбрал для своих произведений характерное название «этюды», т. е. изучения; в письмах и предисловиях он называет их трудами, композициями, историями. Автор «Утраченных иллюзий» раскрыл великие художественно-познавательные возможности романа; небывало расширив и углубив колею, проложенную предшественниками, особенно Вальтером Скоттом, Бальзак более всех способствовал превращению романа в жанр большой литературы.

Творец «Человеческой комедии» сумел осуществить свою заветную цель — начертать «грандиозный облик своего века» (24, 310). В разное время ученые проверяли надежность свидетельств Бальзака путем их сличения с архивными материалами, работами историков, экономистов, статистиков, с периодической печатью его эпохи². Достоверность подтверждалась. Бальзак оказался непревзойденным мастером: созданная им панорама века обширна, почти универсальна, социальный анализ и обобщения глубоки и прозорливы.

У французских бальзаковедов пользуется признанием содержательная работа Луи Шевалье «„Человеческая комедия“: исторический документ?», в ней отмечается рост числа свидетельств, подтверждающих полную обоснованность притязаний Бальзака называться историком. Самым важным в «Человеческой комедии» для науки Л. Шевалье считает не фактические сведения — при всем их богатстве все же неизбежно ограниченные, — а картину общества в целом, совершенное соответствие требованиям науки

¹ *Lettres à madame Hanska*. P., 1968. Т. 2. P. 595; См. также: *Бальзак О. де*. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 24. С. 292. (Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы.)

² *Bourgeois N.* Balzac historien français et écrivain régionaliste. P., 1925; *Pradalié G.* Balzac historien: La société de la Restauration. P., 1955; *Idem.* Balzac historien de la monarchie de juillet // *Information historique*. 1957. N 3; *Donnard J.-H.* Les réalités économiques dans la Comédie humaine. P., 1961.

метода описания общества у Бальзака и даже построения самого вымысла; это и «должно быть предметом диалога историков и литературоведов, одинаково влюбленных в его творчество»³. В предисловии к последнему научному изданию «Человеческой комедии» главный редактор академик П.-Ж. Кастекс (раздел «Романист и историк») отмечает, что мнение о достоверности исторической картины у Бальзака все более утверждается и распространяется все шире⁴.

Как относился Бальзак к Наполеону? Насколько полно и правдиво запечатлена в творчестве главы европейского реализма личность его знаменитейшего современника, в которой отразились противоречия эпохи и мимо которой не мог пройти в те годы ни один большой художник, — личность, и до наших дней вызывающая яростные споры? Нам представляется, что Бальзак как историк Наполеона недостаточно оценен.

Широко распространено мнение о культуре Наполеона у Бальзака. Стереотипное в прошлом веке, оно и сейчас повторяется в специальных трудах.

В пору углубившихся исследований, в середине нашего века появились и специальные труды: Бальзак о Наполеоне⁵. В них был расширен круг привлекавшихся материалов, выяснилось, что писатель не ограничивался славословием. Эти работы внесли некоторые существенно новые нюансы в традиционное представление о преклонении Бальзака перед Наполеоном, но в целом оно не было подорвано⁶, ибо авторы их были заняты прежде всего исследованием «наполеоновской легенды» у Бальзака⁷.

Безусловно, Бальзак, всегда считавший духовную энергию главным чудом жизни и ее высшей поэзией, восхищался Наполеоном как «человеком феноменальной воли». К этому прибав-

лялось сильное патриотическое чувство, которому льстили успехи императора⁸. Однако чувства эти не затемняли ясности зрения художника.

Отношение его к императору французов сложно и далеко не однозначно. Он освещает множество разных сторон личности и деятельности Наполеона, различные последствия этой деятельности, общественно-исторические зависимости императора и вызванные ими внутренние противоречия. Созданный в «Человеческой комедии» образ Наполеона заслуживает внимательного изучения не только с точки зрения его познавательной ценности, но и как пример, на котором полно и ярко вырисовывается художественный метод реалиста Бальзака вообще.

Образ Наполеона в «Человеческой комедии» мозаичен, он выстраивается из многих десятков произведений. И первое условие его восприятия — подход к «Человеческой комедии» как единому художественному целому, трудное условие, но автор всегда предлагал его своим читателям. Наполеон показан в одном из эпизодов романа «Тридцатилетняя женщина» (1830), в сцене последнего парада войск в Париже в 1813 г. О нем долго рассказывает старый солдат на деревенских посиделках в романе «Сельский врач» (1833, знаменитая глава «Наполеон народа»). Лишь в одном романе — «Темное дело» (1841) — император выступает как действующее лицо важного эпизода: накануне сражения при Йене он дает аудиенцию молодой аристократке, добивавшейся помилования для своих кузенов-роялистов. Наполеон присутствует в десятках произведений, где от его походов, его законодательства, политики зависит судьба других персонажей — солдат, крестьян, офицеров, чиновников, аристократов старой и новой формации; где с этапами его пути связаны сложная дипломатическая игра или биржевые махинации. Именем Наполеона названа целая эпоха, отзвуки которой жили в истории Франции еще десятилетия после его падения, и образом Наполеона насыщена вся атмосфера романов Бальзака — летописца истории Франции. Всюду в «Человеческой комедии» рассыпаны упоминания о нем, его делах, штрихи к портрету, вкраплены суждения, оценки, принадлежащие то автору, то персонажам (следовательно, несущие двойную функцию). Нередко Наполеону уподобляются бальзаковские герои («Наполеон финансов», «Наполеон бульварных театров», «Наполеон трикотажа», «Бонапарт воров»), эпизоды его биографии служат материалом для сравнений, неожиданно и резко высвечивая его образ. В известном смысле Наполеон идеально отвечает бальзаковскому замыслу «возвращающихся персонажей», которые возникают вновь и вновь в различных планах и аспектах и поэтому рождают особую иллюзию реальности. Французские литературоведы обычно называют замысел «возвращаю-

⁸ Характерно, что Бальзак, очень высоко ценивший В. Скотта, нигде не упоминает о его книге «Жизнь Наполеона», резко отрицательной по отношению к Наполеону.

³ Chevalier L. La Comédie humaine: document d'histoire? // Revue historique. 1964. N 471. P. 43.

⁴ Castex P.-G. L'univers de la Comédie humaine // Balzac H. de. La Comédie humaine: In 12 vol. P., 1976. T. 1. P. XXXIV.

⁵ Descotes M. La légende de Napoléon et les écrivains français du XIX siècle. P., 1967; Laubriet P. La légende et le mythe napoléoniens chez Balzac. Année balzacienne 1968; Barbéris P. Napoléon: structures et significations d'un mythe littéraire // Revue d'histoire littéraire de la France. 1970. № 5–6. (Далее: RHLF.)

⁶ Наиболее разносторонний материал представлен М. Декотом. Однако и этот автор, убежденный, что писатели творили либо «принижающую», либо возвышающую Наполеона легенду, соответственно разделил свою книгу на две части, назвав первую «Нерон — Аттила — Тамерлан — Чингисхан», вторую — «Гигант». Бальзака Декот отнес к идеализирующим Наполеона художникам.

⁷ Тезис о культуре Наполеона у Бальзака доведен до логического конца в книге Сен-Поляна, построенной, как видно уже из ее заглавия, на уподоблении писателя императору (см.: Saint-Paulien. Napoléon Balzac et l'empire de la Comédie humaine. P., 1979). По его мнению, оба они в одной и той же исторической действительности, якобы одинаково жаждали всемогущества, были одинаково способны к усвоению огромной информации, имели склонность к политическим интригам, вкусу к авантюрам.

щихся персонажей» техникой, но правильнее называть его методом в философско-художественном значении, так как, умножая число планов, ракурсов, возможных точек зрения, он помогает познанию всей сложности жизни.

Мозаичный портрет строится в историческом времени: освещены или затронуты все этапы пути Наполеона — республиканский генерал, консул, пожизненный консул, император французов; затем Сто дней, и наконец Наполеон — пленник острова Святой Елены. Отражены главные походы и сражения — Италия, Маренго, Аустерлиц, Йена, Эйлау, Испания, Россия; кроме того, законодательство и реформы. В рамках статьи можно лишь попытаться не упустить главные линии интереса Бальзака к Наполеону; важно увидеть совокупность этих линий.

Уже в ранних произведениях «Человеческой комедии» — «Физиологии брака», «Шуанах» (1829), «Эликсире долголетия» (1830), «Шагреновой коже» (1831), «Разговоре между одиннадцатью часами и полночью» (1832) — отношение автора к Наполеону критическое, при всем увлечении его личностью, далекое от апологетики; общий подход не морализирующий, как у писателей-либералов мадам де Сталь, Б. Констана, а исторический и глубоко трезвый. Так, в «Физиологии брака» (где в первых же строках Бальзак сообщает, что импульсом к написанию этого произведения послужила одна из мыслей Наполеона об общественном институте брака), Наполеон за произведенный им переворот в военном деле назван «стремительным гением», но Бальзак делает оговорку: будущее может породить нового Наполеона, и его тактика может превзойти и уничтожить ту, которая сейчас победила. «Книги по военному искусству, за немногими исключениями, разделяют судьбу старых учебников. Все изменяется на территории и на протяжении века». Эта идея относительности самых бесспорных достижений, самый тон характерны для Бальзака: он вовсе не творит себе кумира, хотя уже тогда причисляет Наполеона к «великим среди великих», ставя его имя не только рядом с Цезарем, но и Ньютоном (20, 252).

В статье 1830 г. «О художниках» Бальзак не раз упоминает могучий интеллект Наполеона; его план победы над Англией — «дерзкий замысел гиганта», его заключение на острове Святой Елены, по мнению писателя, лишь доказывает закономерность несчастий в судьбах великих людей (24, 21, 25, 26). Однако в рассказе того же года «Эликсир долголетия» имя Наполеона встречается в новом характерном контексте: среди воплощений зла, «грозных образов, увековеченных существующим в человеке злым началом», переходящих «в копиях из века в век» (19, 17). Здесь Наполеон назван в ряду тех, кому уподобляется герой «Эликсира» — символический образ всепожирающего эгоизма и цинизма.

Подобные отвлеченные рассуждения («Эликсир долголетия» входит в раздел «философских этюдов») представляли бы мало

интереса, если бы не сочетались с конкретными картинами. В повелле «Супружеское согласие» (1829), действие которой завязывается в 1809 г. на балу у богатого сенатора, ярко описана неистовая страсть к богатству и прожиганию жизни, «словно хмель», охватившая верхушку общества при этой «недолговечной империи» (1, 298; в подлиннике «cet empire d'un jour») и составлявшая «такой резкий контраст с недавней республиканской бедностью». А в центре повести «Прошай» (1830 г.) — трагический эпизод отступления из России — переход через Березину и картина нечеловеческих страданий, которые достались на долю армии и которые свели героиню повести с ума. Рассказ «Палач» (1829) и повесть «Мараны» (1832) — о чудовищных притеснениях в Испании, вывозе художественных сокровищ. «Разговор между одиннадцатью часами и полночью» (1832) — острая зарисовка царивших в армии диких нравов, насилия, всяческих издевательств над населением в Пруссии. Крестьянский паренё-немец скрывается в лесу от набора в армию. Чтобы принудить отца выдать сына, префект определяет к нему на постой конного жандарма, заставляя содержать человека и лошадь. Вконец разоренный старик идет в лес искать сына, уже погибшего от голода, и, найдя труп, приносит его к дверям префектуры. Другой эпизод: французский офицер во время обеда заставлял старую супружескую чету ползать у его ног и вертеть колесики его шпор. Это месть за сопротивление, оказанное офицеру дочерью стариков, — месть, поощряемая французским генералом⁹. В те годы Бальзак иногда усваивал нарочито бесстрастный тон «нейстовой» литературы¹⁰; в названных рассказах нет прямого антивоенного пафоса, но события сами говорят за себя. Не чужда Бальзаку мысль о непрочности побед, добытых ценой больших потерь. Упреком Наполеону звучат слова: «...кровь, пролитая во всей Европе, и те нечеловеческие страдания, которых потребовал от вас гигант, не помешали Франции лишиться десяти департаментов, завоеванных республикой» (5, 357).

В «Шагреновой коже», в знаменитой сцене оргии у банкира, где в каком-то вихре сталкиваются самые противоположные остроумные суждения по философским, политическим, моральным вопросам, рисуется современное состояние умов, охваченных разочарованием после революции 1830 г., звучит и наполеонов-

⁹ Contes bruns par une tête à l'envers. P., 1832. P. 62–66, 88. Рассказ «Разговор между одиннадцатью часами и полночью», построенный как цепь эпизодов, связанных общим замыслом, впоследствии был использован Бальзаком по частям в разных произведениях, несколько эпизодов в «Человеческую комедию» не вошло.

¹⁰ Представители «нейстовой литературы», из которых наиболее известен театральный критик и писатель Жюль Жанен, сосредоточились на обрисовке самых мрачных и омерзительных сторон жизни современного им города: трущоб и притонов, преступлений, казней. Эти повествования о «сатанинских» чертах городской жизни велись в подчеркнуто спокойном, нередко ироническом тоне, оттенявшем кошмары изображаемого.

ская тема: «Республика всегда кончается каким-нибудь Наполеоном...» (18, 387)¹¹. На расхожее замечание о славе, которую Наполеон оставил Франции, следует острое возражение: «Ах, слава — товар невыгодный. Стоит дорого, сохраняется плохо. Не проявляется ли в ней эгоизм великих людей...» (18, 383). Это не авторские слова; но автор, если воспользоваться его же выражением, «слушает пульс своей эпохи» и еще покажет, сколько правоты заключено в скептической реплике безымянного гостя.

Это лишь отдельные мысли и наброски к портрету императора. Как персонаж он появится в романе «Тридцатилетняя женщина». Рассказывая о параде на площади Карусель в Париже перед выступлением в один из последних походов в час национальной опасности, Бальзак рисует живописную картину: строгое молчание старых ветеранов, стройность и слаженность движений огромной «человеческой машины»; передает глубокую, бесконечную преданность армии императору, восторг толпы при появлении императора. Патриотический подъем перед опасным походом, воодушевление, вызванное в массах одним появлением Наполеона, Бальзак передает в полном согласии с многочисленными мемуаристами¹²; что касается Наполеона, то обрисована только его внешность, и это напоминает метод «шозистов» XX в., пытавшихся достичь художественной правды подменой авторского восприятия и освещения передачей чисто зрительного впечатления некоего постороннего свидетеля. Автор комментирует только импозантное зрелище парада и воодушевление войска и толпы: «В этом было что-то сверхъестественное, то было

какое-то наваждение, подобие божественного могущества или, вернее, мимолетный символ этого мимолетного царствования» (2, 102). Далее дана характеристика адъютанта императора: «Таких людей небо сотворило лишь для того, чтобы они четыре раза в день плотно ели и переваривали пищу, спали, любили первую попавшуюся красотку и сражались» (2, 106). Как это нередко бывает у Бальзака, речь идет не только о конкретной личности, но и о типе, созданном условиями походной, авантюрной жизни и вписывающемся в эти условия. В «Прощенном Мельмоте» автор скажет о солдатах: они бьют и пьют, бьют и едят, бьют и спят, чтобы еще лучше бить. Это непохоже на язык поклонников императора, на романтику войны¹³.

* * *

Дальнейшее развитие наполеоновской темы у Бальзака показывает, что художник, обрисовав романтический аспект великой личности, ее могучую волю и одаренность — стремился также охватить и все общечеловеческое значение разнообразной деятельности своего героя. Прежде всего он осветил ее стороны, закрепившие принципы Революции, из которой Наполеон вышел. Бальзак, как ни один другой художник, отразил любовь к Наполеону и преданность ему народных масс, а также показал корни этой преданности. Рассмотрим трагическую новеллу «Полковник Шабер» (1832) и роман «Сельский врач» (1833).

Наполеон сохранил и упрочил ряд завоеваний французской революции: уничтожение сословного принципа, гражданское равенство. Перед ним трепетали все законные монархи Европы. Он раздавал чины, титулы и награды чаще всего за храбрость и заслуги. И имущества дворян-эмигрантов, национализированные и проданные в годы революции, при нем остались за новыми владельцами — буржуазией и крестьянством. Он умел своим обращением с солдатами, простыми людьми создавать иллюзию демократичности.

Герой новеллы «Полковник Шабер», начавший жизнь в приюте для найденышей, становится полковником и графом, а после падения императора заканчивает жизнь в богадельне. Его судьба типична. Он представляет ту большую группу офицеров, которые выдвинулись из низов и достигли высокого положения, не опираясь на привилегии происхождения. И для Шабера, участника всех главных походов до битвы при Эйлау, где страшное ранение в голову положило конец его карьере, император — род-

¹¹ Отметим важную поправку. В прижизненных изданиях романа было: «Республика всегда кончается каким-нибудь Робеспьером» (éd. Furne, 1845. Vol. 14. P. 46). Готовя второе издание «Человеческой комедии», Бальзак заменил имя Робеспьера именем Наполеона.

¹² Видел ли четырнадцатилетний Бальзак (П. Барберис в 1970 г. полагал, что видел) так ярко описанный им парад Наполеона в середине апреля 1813 г.? Очевидно, нет, ибо родители только 22 апреля забрали его из вандомского коллежа. Возможно, однако, что в основе его описания лежало все-таки виденное им зрелище. С июля 1814 по сентябрь 1814 г. он учился в турецком коллеже, а в 1815–1816 гг. — в Париже; период с конца апреля 1813 по июнь 1814 г. в архивных материалах не отражен, и это оставляет место для предположений. М. Ле Яуанк и Р. Пьеро считают, что после Вандома родители вскоре поместили Бальзака в коллеж Карла Великого в Париже, где он учился, живя в частном пансионе, как и раньше в Вандоме; и только усложнившаяся обстановка, приближение войны во Франции заставили семью взять его к себе в Тур (пребывание в турецком коллеже в третьем триместре 1814 г. подтверждается архивными документами, до того он мог брать частные уроки). В ноябре семья переехала в Париж, и Бальзак вернулся в коллеж Карла Великого. Таким образом, он, вероятно, видел другой большой парад, состоявшийся в Париже 13 января 1814 г. и эти впечатления могли быть использованы для описания парада предшествовавшего года (см.: *Année balzacienne*, 1964. P., 1964. P. 37; *La Comédie humaine*. T. 1. P. LXXXII). И в 1815 г. во время Ста дней ученик коллежа Карла Великого мог стать очевидцем парада или смотра войск, воспоминание о котором отразилось в его произведении 1830 г. См.: *La Comédie humaine*. 1976. T. 2. P. 1598.

¹³ Д. Д. Обломиевский утверждал, что Бальзак до середины 30-х годов представлял наполеоновских офицеров только в благоприятном свете, а позже «перечеркивал свое прежнее положительное отношение» (*Обломиевский Д. Бальзак: Этапы творческого пути*. М., 1961. С. 324). Однако он не учитывает приведенного нами материала, его суждение не отражает действительной сложности бальзаковских оценок уже с начала работы над «Человеческой комедией».

ной отец, а падение Наполеона — глубокая социальная и личная трагедия. Изгнание Наполеона — не меньше, чем отказ жены Шабера признать живым своего мужа, объявленного погибшим, — проявление мирового зла, которое лишает его желания жить и осуществить свои права. «Когда я вспоминаю, что Наполеон на острове Святой Елены, все претит мне в этом мире» (2, 91). Прямодушие и цельность Шабера придают его образу особую остроту и силу. В новелле действуют и солдаты Шабера, эпизодические, но впечатляющие фигуры. Для них Наполеон — генерал Революции, император простых людей.

Авторский взгляд Бальзака, как всегда, глубже. Описывая карьеру родовитого второго мужа графини Шабер, он проницательно характеризует заигрывание (в подлиннике «coquetteries») с ним Наполеона, желавшего привлечь на свою сторону старинные дворянские семьи, слить старую и новую знать: «Победы над аристократией нередко льстили самолюбию императора не меньше, чем выигранные битвы» (2, 65).

Насколько глубоко и полно, повторяем, как ни один художник, Бальзак объяснил причины наполеоновского культа у простых людей Франции, свидетельствует и роман «Сельский врач» (еще недостаточно у нас оцененный). Это роман-мечта, утопия, однако в ней немало трезвого, даже прозорливого понимания реальных общественных проблем. Глава «Наполеон народа» содержит рассказ бывшего солдата Гогла на деревенских посиделках. Искусно переданы в нем психология и чаяния простого солдата, та смесь реально-исторического и чудесного, та наивная мотивировка событий, образность, язык, какие присущи фольклору. Трудно поверить, что повествование Гогла не подлинное народное творчество; детали (например, суеверные представления, будто Наполеон заговорен от пуль и яда или фантастическое значение его имени — «Лев пустыни») Бальзак мог взять из «Мемориала» Э. О. Лас Каза¹⁴; однако поиски «источника» до сих пор не дали результатов, и в комментариях к последнему научному изданию романа содержится признание, что «нет достаточных причин не считать Бальзака автором рассказа Гогла»¹⁵. Рассказ этот проникнут враждебным чувством к богачам и королям, бюрократам и прочей «парижской шати», Наполеон же в нем — заступник и отец солдат, и успехи его — от самого бога и небесных сил: «А он созывает правительство: „Что вы с моими детьми, солдатами, сделали?.. Вы — свора тунеядцев, вы на людей плюете и жиреете за счет Франции... я говорю за всех“» (17, 146). О последних годах империи: «Император сам не свой, он виделся с Красным человеком, и тот сказал ему: „Сынок, смотри, зарвался ты, людей тебе не хватит, друзья предадут тебя“» (17, 151). «Парижане испугались за свои грошовые

шкуренки и лавчонки и открыли ворота; тут-то и пошло, значит, предательство» (155). Единственный уцелевший из понтонеров, что наводили мост через Березину, не получивший от Бурбонов не только награды и пенсии, но даже просто солдатского жалования за годы службы и вынужденный, несмотря на старость и раны, стать землекопом, живет воспоминаниями о том, как после своего подвига был представлен генералом Эбле Наполеону и тот прижал его к сердцу. «Наполеон народа», его «святыня» (17, 34), «отец народа и солдат» (17, 157) — это показано с абсолютной убедительностью.

Бальзак понимал отношение Наполеона к народу точно так же, как понимал и отношение народа к императору. Слова посвящения к роману «Крестьяне» свидетельствуют, насколько далек был их автор от иллюзий понтонера Гогла: «Наполеон предпочел ввериться своему несчастному року, чем вооружить народные массы» (18, 6; имеется в виду период Ста дней, о котором Гогла вспоминает с таким подъемом).

Главный герой романа, врач Бенаси, близок Бальзаку настолько, что он даже придал этому персонажу черты собственного внешнего облика. Бенаси — неутомимого организатора, ведущего отсталый край к благосостоянию и просвещению, строителя дорог, пропагандиста ремесел — жители края называют «Наполеоном нашей долины» (17, 223). В наивном солдатском панегирике Наполеону не забыто, что он «заставил богачей раскошелиться, возводить всякие чудесные сооружения там, где прежде вовсе ничего не было... построил мосты, дворцы, дороги; появились ученые, законы, корабли, порты...» (17, 148). Наибольшее восхищение Бальзака вызывала именно эта сторона деятельности Наполеона — администратора, законодателя, инициатора промышленного развития: «Да, строить города гораздо лучше, чем их брать!» (реплика Бенаси, 17, 100). Бальзаку очень импонировало умение понимать потребности века.

«Сельский врач» — кульминация в изображении Бальзаком «наполеоновской легенды». Не только Бенаси и солдат-ветеран, но едва ли не все другие персонажи густо населенного романа разделяют культ покойного императора. Этот культ — исторический факт, его питательной почвой была прежде всего связь Наполеона с Великой революцией, и уже во вторую очередь его необыкновенная личность. В позднем романе «Крестьяне», возвращаясь к культу Наполеона в крестьянской среде, Бальзак объясняет его крестьянской «исконной идеей» владения землей. Он пишет об этом как историк и социолог. Устами персонажа, пользующегося полным уважением автора, Бальзак говорит: «В революции 1789 года крестьянство получило в собственную землю, владеть которой в течение двенадцати веков ему запрещало феодальное право» (18, 89). «Любовь, корни которой глубоко ушли в самую гущу народа, — любовь, буйно обратившаяся на Наполеона и непонятая им даже в той мере, как это думалось ему (курсив мой. — Р. Р.; L'amour dont la racine plonge-

¹⁴ Donnard J.-H. A propos d'une supercherie littéraire: Le «bonapartisme» de Balzac // Année balzacienne, 1963.

¹⁵ Fortassier R. // Balzac H. de. La Comédie humaine. 1978. Т. 9. Р. 1492.

ait jusqu'aux entrailles du peuple, et qui s'attacha violemment au Napoléon, dans le secret duquel il ne fut même pas autant qu'il le croyait...), — любовь, которой объясняется его непостижимое возвращение в тысяча восемьсот пятнадцатом году, — всецело вытекала из этой заветной идеи. В глазах народа Наполеон, неразрывно связанный с народом миллионом солдат, все еще остается королем, вышедшим из недр революции, человеком, который отдал народу национальное имущество. Его коронование было освящено этой идеей» (18, 90).

Можно ли анализировать трезвей и яснее?

* * *

Бальзак мог располагать большим числом мемуаров и других документов, а также устными свидетельствами, до которых он был очень жаден, о военных кампаниях и походах Наполеона, о его отношениях с приближенными, о придворной жизни, характере и привычках императора¹⁶. По французской экономике на рубеже двух веков у него было значительно меньше источников. Между тем экономическая политика императора и экономическая жизнь начала XIX в. вообще широко и полно отражены в «Человеческой комедии».

Описывая карьеры коммерсантов и финансистов, Бальзак показывает их глубокую связь с континентальной блокадой, вообще рисует связь войны и биржи. Так, с падением Наполеона связаны махинации главного финансового туза «Человеческой комедии» банкира Нусингена, нажившегося на том самом сражении при Ватерлоо, которое навсегда лишило надежд Шабера и бывшего полковника Гогла.

Бальзак впервые описал механизм коммерческих и банковских

¹⁶ В 1825 г. Бальзак близко познакомился с Лорой д'Абрантес, вдовой генерала Жюно, друга молодости Наполеона, занимавшего при нем важные посты. Для молодого Бальзака современница из близкого окружения Наполеона была драгоценным источником, из которого он черпал живые образы недавнего прошлого. В середине 30-х годов герцогиня д'Абрантес опубликовала получившие известность «Мемуары, или Исторические воспоминания о Наполеоне. Революции. Директории. Консульстве, Империи и Реставрации», в 18-ти томах. В предисловии к роману «Темное дело» Бальзак вспоминает беседу с ней «у камелька».

Он поддерживал дружеские отношения и переписку с военными; один из них, генерал в отставке де Поммерель, отец которого покровительствовал по службе отцу Бальзака, был участником сражений при Ульме, Аустерлице, Ваграме, а при Реставрации служил директором арсенала в Шербуре. Среди добрых знакомых Бальзака — полковник артиллерии Л. Перiola, преподаватель военной школы в Сен-Сире, участник многих сражений, в том числе при Ваграме и под Москвой.

Подруга сестры Бальзака и его близкий друг в течение всей жизни Зюльма Карро была замужем за артиллерийским офицером, инспектором пороховых складов в Ангулеме. Франсуа Карро побывал в итальянском плену. Бальзак не раз гостил и работал в Ангулеме и Иссудене у супругов Карро.

спекуляций, которые устами одного из персонажей он называет «отвлеченным промыслом», искусством «снимать сливки с еще не полученных доходов», «способом регулярно стричь надежду», «новой кабалистикой», «кабалистическими тайнами великолепных комбинаций» (12, 223). «Банкирский дом Нусингена» — один из наиболее значительных «этюдов» Бальзака, в нем изучаются и распушываются хитросплетения, к которым прибегают крупные мошенники в век «всемогущества, всеведения, всеблагости денег» (12, 304). «Банкир — завоеватель, жертвующий тысячами людей для достижения тайных целей, его солдаты — интересы частных лиц» (12, 313); Нусинген — «наш финансовый Наполеон» (12, 223). Он «грузен, как мешок, невозмутим, как дипломат»; у него «тяжелая рука и холодный взгляд рыси... он скрытен и нападет врасплох...» (12, 313). Он наживается на фиктивных банкротствах, выжидая подходящий момент с присущей ему «не показной, а глубокой проницательностью». Вторичную ликвидацию дел Нусинген осуществил в 1815 г. Плохо веря в возрождение наполеоновского режима, он купил накануне Ватерлоо государственные бумаги, в момент кризиса прекратил платежи и расплавился акциями одного из своих предприятий, скупив их на 20% ниже того курса, по которому сам их выпускал. С 1817 по 1819 г. он продавал союзникам вино в 4 раза дороже цены, по которой принимал это вино в уплату по обязательствам одного разорвавшегося дельца. Так «знаменитый барон вознесся над бездной...». История его хитроумного обогащения рассказана журналистами Блонде и Бисиу в тоне острой проники.

Иное влияние имела звезда Наполеона на дела дю Букье («Старая дева», 1836), поставщика провианта для армии с 1793 по 1799 г. Для этого спекулянта, бывшего на короткое с членами Директории, революция означала непрерывную серию случаев нажиться. Жизнь его «изобиловала уворованными солдатскими пайками и увеселительными домиками с многочисленными содержанками» (6, 243). Убежденный, что Бонапарту не восторжествовать, дю Букье играл на понижение курса. В его судьбе на свой лад отразился драматизм битвы при Маренго, почти проигранной французами, но затем обернувшейся победой благодаря подоспевшим дивизиям Дезе и Келлермана. Дю Букье держал на месте военных действий двух гонцов и в течение четырех часов после первой вести якобы о победе австрийцев верил в свою удачу. Когда второй гонец сообщил об их поражении, дю Букье от потрясения на несколько дней лишился рассудка. Победа при Маренго стоила ему миллионов, и позднее ненависть Наполеона к поставщикам, которые делали ставку на его провал, закрыла ему путь к выгодной должности. Этот персонаж Бальзака не только отталкивающий и ущербный, он еще и смешон.

В «Человеческой комедии» возле Наполеона много дельцов. Экономические последствия его военно-политических действий Бальзак показал как закономерность, далеко опередив ученых-специалистов. В этом вопросе он сохраняет превосходство над

своими современниками, даже теми, кто уделил известное внимание экономике, как Ф. Минье или А. Тьер («История французской революции» Тьера, изданная в 20-х годах, завершалась описанием переворота 18 брюмера, автор лишь бегло коснулся экономических проблем, а его «История консульства и империи» начала выходить только с 1845 г.); некоторые исследователи полагают, что Бальзак превосходит и ряд других французских историков нашего времени, обращавшихся к экономической жизни его эпохи¹⁷. И каждый из бальзаковских «комедиантов неведомо для себя», разыгрывающий комедии и фарсы со спекуляцией на арене «Человеческой комедии», будь то Нусинген пидю Букье, «бандит» дю Тийе или король трикотажа Бовизан, каждый из них — «вполне определенная личность, „этот“, как выражается старик Гегель»¹⁸, т. е. человек со своей биографией и со своим — малопривлекательным — лицом.

Авторский взгляд нигде, быть может, не выражен так полно и глубоко, как в обрисовке положения первого консула: в его отношениях с буржуазией. Прелесть всего, это всемогущий диктатор, подчинивший страну своим планам, подчас круто обходившийся с богачами¹⁹ (и здесь симпатии Бальзака на его стороне). Но Бальзак поднялся и до понимания зависимости императора от сил, которые за кулисами власти стояли, по существу, выше него.

В романе «Темное дело» (1841) действие происходит в 1803—1806 гг., а в эпилоге события освещаются ретроспективно из 1834 г. Показана сложная борьба общественных сил в период консульства и первые годы империи. Используя слегка закамouflированный им реальный факт политической жизни 1800 г. — похищение сенатора Клемана де Ри неизвестными лицами, последовавший затем судебный процесс и казнь невинных людей, — Бальзак разоблачил темные махинации буржуазии с национальными имуществами и козни политической полиции, обогащение и возвышение грязных субъектов. Рука об руку идут художественный синтез с теоретическим анализом ситуаций (последний обычно в речах действующих лиц). «Темное дело» можно отнести к жанру детектива, к одному из первых и превосходных его образцов: вместе с тем в нем выражен взгляд Бальзака на роль личности в истории.

Бонапарт, «человек рока», с лицом «бледным и грозным, как у Цезаря» (15, 404), предстает в вечер накануне йенского сражения на фоне двух армий, идущих или умереть, или победить.

Предстает во всем блеске дарований, наделенный красноречием, которое «преображало трусов в героев» (15, 405), государственным умом, благодаря которому уже обновлен административный и судебный механизм страны, обаянием. Наполеон на вершине своей популярности, «вся Франция единодушно восхищалась императором» (15, 360). И тем не менее есть сила выше великой личности: это «всепоглощающие интересы» (15, 395), которые движут классами и людьми. Наполеон несокрушим лишь тогда, когда выражает эти интересы, особенно когда стоит на страже неприкосновенности национальных имуществ, — бывших имений дворян-эмигрантов. В покушении на сенатора (владельца такого поместья, купленного во время революции через подставное лицо) усмотрели противодействие конфискации эмигрантских земель, насилие над новыми хозяевами. Героине романа Лорансе, вступившейся за попавших под подозрение родственников — бывших хозяев имения, пришлось почувствовать «ярость простонародья, враждебность буржуазии и недоброжелательство властей» (15, 361). Буржуазия, с ее могучими материальными классовыми интересами, сделала Наполеона своим орудием; но стоит ему оступиться на этом пути, как его сметут.

Загадочное похищение сенатора, действительно имевшее место, было связано невидимыми для публики нитями с тайным заговором для устранения Наполеона, составленным его министрами на случай поражения при Маренго. Бальзак перенес дату похищения с 1800 в 1806 г. В романе сохранена подлинная цель заговора — соблюдение интересов некоторых министров и в том случае, если бы Бонапарт не победил в одном из решающих сражений. В романе похищение сенатора продиктовано, как было и в действительности, стремлением уничтожить компрометирующие заговорщиков документы, но Бальзак осложнил эпизод похищения: оно используется политической полицией еще и для мести аристократической семье Сен-Синей и организовано самой полицией таким образом, чтобы подозрение пало на невинных братьев Симезов, связанных с Лорансой.

В романе «Темное дело» неоднократно появляется слово «интересы», которому Бальзак придает особый смысл. «Интересы» движут историей. «История быстро старела, ибо возникали новые жгучие интересы» (15, 219). На последних страницах романа есть сравнение, не раз встречающееся у Бальзака: «Общество подобно океану: после бури оно снова... возвращается в свои берега, стирая следы бедствия беспрестанным движением всепоглощающих интересов» (15, 395). Заговорщики действуют, объединенные личными интересами, — и эти интересы «вполне совпадают с интересами родины»: «...редкий случай», — заметил, улыбнувшись, один из участников заговора, Талейран, услышав эти слова Сийеса (15, 414 и 415). Все это происходит «за спиной» Наполеона. Талейран позволяет себе иронизировать над всемогущим диктатором: «Император — великий полководец, которому дано изменять законы времени и пространства, но изменить

¹⁷ Butler R. Dessous économiques dans la Comédie humaine: les crises politiques et la spéculation // Année balzacienne. Sér. nouv. 1981. N 2.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 333.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс писали о Наполеоне в «Святом семействе»: «Он удовлетворил до полного насыщения эгоизм французской нации, но требовал также, чтобы дела буржуазии, наслаждения, богатство и т. д. приносились в жертву всякий раз, когда это диктовалось политической целью завоевания» // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 137.

людям ему не удастся, а он хотел бы отлить их всех по тому образцу, который ему нужен» (15, 398).

По мнению Бальзака, дело герцога Энгийенского, казненного без личной вины, по существу лишь за то, что он принадлежал к дому Бурбонов, — а Наполеону в пору активизации роялистов нужен был устрашающий пример, — было подстроено Талейраном и Фуше. Полагая, что Бонапарт еще не так крепко, как они, связан с буржуазной революцией, оба министра ради своей безопасности стремились окончательно посорить его с Бурбонами и для этого скрыто направляли к решению о казни и препятствовали помилованию. «Бонапарт был обманут, как ребенок, господином де Талейраном и Фуше...» (15, 419)²⁰. Глубокою подоплеку события, его тайные «пружины» Бальзак видел в борьбе интересов. Наполеон, «обманутый, как ребенок», Талейраном и Фуше, существует рядом с Наполеоном-титаном Шабера и ветеранов: метод Бальзака — в многосторонности освещения.

В эпилоге романа события разного характера и, казалось бы, разных уровней представлены как нити цельной сложной ткани: пафос повествования — в раскрытии их связей и взаимозависимости. «Необходимо осветить этот темный уголок нашей истории...», — пишет Бальзак (15, 417) «Необходимо осветить» — таков императив бальзаковского творчества. Эпизод похищения становится точкой пересечения всех «интересов», поводом для раскрытия всей сложности общественного процесса. Наполеон, как ни велик его военный и организаторский гений, — только часть этого процесса, а не главная пружина. Протагонисты романа, романтически-рыцарственные юноши братья Симезы с их девизом «*Si meurs*» («Умри, не отступив») и дама их сердца, прекрасная амазонка Лоранса, «тонут» среди персонажей иного плана — среди Маленов, Гуляров, Виолетов, тех, кто, напишет Маркс, «накинулись, как бешеные волки, на имущества эмигрантов»²¹. В эпилоге же романа происходит удивительная, в сущности символическая, сцена: во время абсолютно секретного совещания министров (при закрытых на ключ дверях!), где речь идет о возможном устранении Бонапарта, среди заговорщиков внезапно необъяснимым образом появляется нувориш Мален — и хозяин дома, Талейран, спокойно принимает его как естественного союзника; Мален и «оказался рычагом целого механизма и душой всей интриги» (15, 414). Пенкосниматель Мален, фигура вымышленная — это обобщение и символ чисто буржуазных интересов в революции²². Он истинный хозяин положения, он про-

цветает и после падения, ссылки и смерти императора. В этом ирония истории.

В обрисовке Наполеона ирония, эта «царственная форма смешного», прозвучавшая в самом названии «Человеческой комедии», играет немалую роль. Ирония относится к личности императора, к его пути, к вырождению его культа.

Бальзак не упрекал Наполеона в деспотизме, что составляет разительный контраст с позицией Стендаля, республиканцев, либералов. Идеалом политической власти Бальзака была — по крайней мере теоретически — именно единодержавная сильная власть; личные качества Бонапарта, его одаренность и энергия делали его в глазах автора «Истории тринадцати» вполне соответствовавшим роли абсолютного диктатора — роли, на которую Бальзак по-своему «примерял» и Екатерину Медичи, и Робеспьера²³. Однако он сопоставляет все этапы карьеры Бонапарта с республиканским началом его пути; из этого сопоставления и рождается авторская ирония, отражающая иронию самой истории. Ирония связана с изменой Бонапарта своему прошлому. В «Темном деле» проицирует Мален: «Этому бывшему поручику захотелось основать новую династию...» (15, 237). Иронизирует полицейский Корантен: «Первый консул любит „бывших“ и терпеть не может республиканцев... это понятно: если он желает добиться престола, ему надо задуть свободу» (15, 291). Бальзак красноречиво объясняет подозрительное отношение Наполеона к среде артиллерийских офицеров, из которой вышел он сам. У молодого героя повести «Герцогиня де Ланже» (1834), служившего в артиллерии, было «мало возможностей выдвинуться... либеральные, почти республиканские настроения среди артиллеристов, опасения, которые внушало императору объединение людей образованных и привыкших размышлять, — все это мешало большин-

ских персонажей. А. З. Манфред заметил, что в романе «Темное дело» похищенный сенатор Клеман де Ри «закамуфлирован под именем Малена» (*Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1971. С. 381*). Историк в этом случае неправ: образ Малена неизмеримо шире, чем портрет одного определенного сенатора. Бальзак специально указывал на это обстоятельство в предисловии к роману: Мален де Гондревиль — тип таких республиканцев, которые ловко подлаживались ко всем правительствам, тип же «заключает в себе наиболее характерные черты всех тех, кто на него в той или иной мере походит; это — образец рода» (24, 342). Ради такой широты, емкости образа Бальзак, готовя свои романы к переизданию, не раз заменял упомянутых в тексте исторических лиц персонажами «Человеческой комедии». Последние обладали главными качествами первых, к этому присоединялись преимущества художественного обобщения.

²³ О совпадении политического кредо Бальзака, уповавшего на абсолютного монарха, и ряда мыслей Наполеона о власти см.: *Donnard J.-H. A propos d'une supercherie littéraire... Доннар анализирует сборник «Maximes et pensées de Napoléon» (Р., 1838), составленный Бальзаком из различных современных источников с добавлением собственных афоризмов писателя по заказу некоего буржуа, желавшего получить орден.*

²⁰ Возможно, Бальзак недооценил самостоятельность Бонапарта в данном случае. Показательно, однако, убеждение писателя в том, что его герой был зависим.

²¹ Цит. по: История Франции: В 3 т/Под ред. А. З. Манфреда. М., 1973. Т. 2. С. 102.

²² Этот эпизод можно рассматривать как своего рода образец бальзаковского метода в части соотношения вымышленных героев и историче-

ству из них сделать военную карьеру. Поэтому, вопреки обычным порядкам, офицеры часто получали генеральский чин вовсе не потому, что были самыми выдающимися в армии, а потому, что их ограниченность делала их безопасными» (11, 169).

В «Утраченных иллюзиях» Вотрен обобщает уроки истории: «Санкюлот в 1793 году, Наполеон в 1804 венчает себя железной короной. Пылкие любовники „равенства или смерти“ в 1792 году становятся сообщниками аристократии... и все в целом, и каждый в отдельности — в конце пути изменили отправной точке: убеждения свои опровергли своим поведением или поведением — убеждениями. Логикой не отличались ни правители, ни частные лица» (9, 463)²⁴.

От подобной иронии недалеко до упрека, который оказался бы весьма неожиданным в устах монархиста, не будь этим монархистом Бальзак, — упрека Наполеону в «затаенной ненависти к тем талантливым людям, которых он получил как драгоценное наследие от Революции и с помощью которых мог бы составить себе правительство, способное осуществлять все его замыслы» (15, 267).

Это наблюдение будет дополнено другим, не менее острым, в романе «Депутат от Арси» (1847): «Если один человек становится всем, как это было с Наполеоном, то наступает момент, когда нужно себя заместить, но, так как все талантливые люди отстранены, — великое „все“ не находит себе заместителя» (16, 111).

Измена Наполеона своему прошлому не единственный повод к иронии. Похвала щедрости императора сопровождается замечанием: «...император был тем более щедр, что деньги ему ничего не стоили» (24, 349). Отмечены и слабости его характера: «непомерное самолюбие», тщеславие, «коккетство» со старинными знатными семьями, недоверчивость, ревность к успехам его же боевых генералов, делавшая его неблагодарным. Бальзак, как и Толстой, знал, что «человек не остается во всех своих сторонах на одном нравственном уровне»²⁵. Из нередких иронических, а подчас и язвительных замечаний автора или персонажей в адрес «полубога Франции» приведем еще одно из рассказа 1840 г. «З. Маркас». Речь идет о том, как следует сохранять достоинство человеку в безвыходном положении; рассказчик рекомендует молчание и ставит в пример вождя негритянского восстания на Гаити Туссен-Лувертюра, который, попав в плен, умер, не проронив ни слова. Напротив, «Наполеон, очутившись на скале, затрепал как

сорока: ему захотелось объяснить свои поступки» (15, 433)²⁶. Тут же находим восхищение презрительным спокойствием заговорщика-республиканца Морэ (казненного в 1836 г.), его самообладанием, «неслыханным в летописях европейского правосудия» (15, 434). Таковы дополнительные штрихи к характеристике «культы Наполеона» у Бальзака.

* * *

В бальзаковском портрете Наполеона есть сторона, важнейшая для раскрытия сущности его режима и личности. Это характеристика его сторонников и сподвижников, в какой-то мере связанная с судьбами бонапартизма.

За годы его власти высшее и среднее офицерство переродилось, как переродился и сам Бонапарт: прежние пламенные республиканцы, составлявшие его «железную когорту», вместе с ним пришли к национализму, империалистическим захватам и бесстыдному военному грабежу²⁷. В эпоху Реставрации ненависть к вернувшимся Бурбонам, ссылка Наполеона, а потом и его смерть изменили его образ, возродив в нем черты прежнего генерала Революции. В какой-то мере это продолжалось и во время царствования «короля мещан» Луи Филиппа. Однако, по мере нарастания реакционности буржуазии и развития социалистических идей, в представлениях о Наполеоне и его правлении на первое место выдвигались военное насилие и безграничный деспотизм как главное орудие политики; преданность памяти Наполеона, сочетающаяся с демократически-республиканскими идеями, окончательно отжила.

В романах Бальзака 40-х годов, в которых действие происходит в посленаполеоновскую эпоху («Жизнь холостяка», «Крестьяне», «Кузина Бетта»), люди, верные памяти Наполеона и вместе с тем сохранившие понятия о лучших временах республики, о чести и бесчестии, показаны как одиночки, исключения²⁸; и особенно рельефно даны бывшие военные, вконец развращенные войной как постоянным занятием и средством наживы, связанные с Наполеоном лишь личными корыстными интересами. В романах 40-х годов Бальзак, изображая сподвижников Наполеона, на первый план выдвигает хищников и насильников²⁹.

²⁴ Заметим: Бальзак не остался равнодушным к последнему периоду жизни Наполеона. В «Темном деле» говорится о «падении Наполеона, которым он... искупил все свои грехи...» (15, 267).

²⁷ О перерождении бонапартистов-республиканцев см.: Манфред А. З. Указ. соч. (особенно блестяще написанные страницы 529—534, 544—552).

²⁸ Например, маршал Юло-старший в «Кузине Бетте», лесник Мишо в «Крестьянах».

²⁹ Любопытно в мемуарах Лоры д'Абрантес попытки объяснить измену ее мужа и других близких соратников Наполеона республиканским принципам беспредельной преданностью императору (см.: *Memoires de*

²⁴ Вотрен отвергает мораль, чтобы жить за счет общества и во вред ему: Бальзак же, полемизируя с оптимистической философией истории либеральных историков 1820-х годов, добивается реальных представлений о человеке и обществе с целью избавить его от несчастий. См.: Реизов Б. Г. Вотрен-историк // Реизов Б. Г. Бальзак. Л., 1960. С. 250—251.

²⁵ См.: Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л., 1980. С. 142.

В эти годы в творчестве Бальзака как бы идет борьба между изображением исконно ярких бальзаковских характеров с их шекспировской энергией и идущим от самой действительности обеднением и всемерным опошлением образа буржуа, чьи героические дни остались позади. В «Человеческой комедии» появляется все больше измельчавших «комедиантов неведомо для себя», чьи образы подготавливают фигуры флюберовских пошляков.

Генерал де Монкорне («Крестьяне») из тех, кого война причлила к легкому обогащению. Командуя войсками в Испании и Померании, он «сэконобил» миллион и купил огромное поместье, которым прежде владела оперная певица, получившая его в подарок от своего покровителя-откупщика. «Оперная дива и наполеоновский генерал — не те же ли у них привычки к мотовству и беззаботности? Что оперной диве, что солдату богатство сваливается по милости случая...» (18, 99). В 1815 г. генерал Монкорне сдал свой корпус Бурбонам. При Реставрации, помимо имения и великолепного особняка, он имел 60 тыс. фр. ежегодного дохода с государственной ренты и получал пенсию по чину генерал-лейтенанта в запасе. «Ему до смерти хотелось получить парство. Он ни во что не ставил имевшийся у него большой крест Почетного легиона и... готов был лизать грязь на Королевском мосту», только бы быть принятым у аристократов (18, 117). Другой образчик деятеля наполеоновской эпохи Юло д'Эрви («Кухня Бетта»), укравший крупную сумму казенных денег, прямой виновник смерти двух родственников, под конец погрязший в животном сластолюбии, при Наполеоне был крупным военным чиновником; он созрел как преступник в царившей в Империи атмосфере привычной и легкой наживы (что всячески подчеркивается в романе, см.: 13, 144—145) и самой расточительной роскоши (13, 81). Юло — «некогда правая рука Наполеона» (13, 143), «человек времени Империи и воспитанный в нравах Империи» (13, 103). Общее и главное у Монкорне и Юло — «обожание собственной особы» (13, 33). Жажда наслаждений, переходящая в разврат, — это было характерно для многих наполеоновских генералов.

Но первое место в групповом портрете офицеров Наполеона принадлежит Филиппу Бридо («Жизнь холостяка», 1842). Этот самый примечательный после Вотрена, — но без его склонности к философии, — преступник из «Человеческой комедии» на всех этапах своей жизни в романе соотнесен с Наполеоном. Агрессив-

ный по натуре, он начал с «вульгарной храбрости рубаки» (7, 178) и достиг дьявольской целеустремленности и ловкости в преступлениях и предательстве. Автор уподобляет его шекспировскому персонажу — «в небольших масштабах... Ричард III» (7, 415). Полная моральная деградация полковника Бридо связана с правами и буржуазными идеалами эпохи.

В провинциальном городе Иссудене, где разыгрывается большая часть событий романа «Жизнь холостяка», молодые люди, изыскивающие от бездействия в 1819 г., объединились в «орден рыцарей безделья» для забав, неотличимых от крайнего бесчинства. Бальзак ставит социально-нравственную проблему молодежи эпохи безвременья. В годы Империи традиционным приложением сил и способностей молодежи была военная служба; в романах Мюссе и Стендаля она еще продолжала питать романтические иллюзии юных героев. Эти писатели по-разному засвидетельствовали на примере своих героев — «молодых людей XIX века», что искусственно установленный режим Реставрации не мог заменить молодежи иллюзии наполеоновской эпохи.

У Бальзака нет флера иллюзий. Из бывших наполеоновских военных выходили и беспринципные авантюристы, и герои демократического движения, как, например, четыре сержанта Ла-Рошели, казненные в 1822 г. за организацию заговора против Бурбонов. В «Человеческой комедии» не раз упоминаются «четыре ларошельских сержанта», процесс над которыми «был связан с другими замыслами» (7, 373; *appartint à un autre ordre d'idées*), чем те, которыми был движим Филипп Бридо. Но в романе «Жизнь холостяка» бонапартисты, устраивавшие заговоры в армии до 1822 г., совсем не похожи на «четыре ларошельцев», это — бывшие офицеры на половинном жалованье, в стоптаных башмаках и поношенных сюртуках, лишённые будущего. Они привыкли к военной добыче и отвыкли трудиться. Вожак «ордена безделья» Максанс Жилле нашел «выход», вступив в связь с содержанкой и наследницей провинциального холостяка. Он одновременно и хищник и жертва: в других условиях из него мог выйти превосходный генерал и даже маршал Франции (7, 271), вместо этого он гибнет от сабли более сильного и бессовестного Филиппа Бридо, своего соперника в борьбе за женщину и наследство³⁰.

Быть может, в свете будущего — весьма позорного двадцатилетнего режима Луи Наполеона Малого объясняется несколько неожиданное на первый взгляд сравнение, к которому автор прибегает в конце романа: власть циничнейшего преступника Филиппа Бридо над женщиной, которую он толкает к позору и гибели, сравнивается с отношением Наполеона к Франции. «Флора подпала под его (Филиппа. — *P. P.*) власть, как Франция — под владычество Наполеона...» (7, 419). Как ни восхищался Бальзак личностью императора, это сравнение не случайно, оно подготов-

la duchesse d'Abrantes sur Napoléon... P.: *Ladvoat*, 1832. Т. 6. P. 388. Т. 5. P. 61—63, 113, 172, 367; P.: *Mame*, 1833. Т. 9. P. 247). От такой идеализации Бальзак совершенно свободен. То, что награблены колоссальные богатства, мемуаристка оправдывает «военными трудами». вместе с этим она не может не осуждать нескончаемые войны, особенно в Испании, и потому что они были явно безнадежны, и потому что не давали возможности насладиться награбленным. См.: *Ibid.* Т. 10. P. 66, 104, 212, 222, 351, 395; 1834. Т. 13. P. 31, 271. Т. 15. P. 141.

³⁰ См.: *Кучборская Е. П.* Творчество Бальзака. М., 1970. С. 193—211.

лено всем его художественным анализом эпохи и особенно последствий возобладавшего в деятельности Наполеона чисто буржуазного начала. Следует только помнить, что по большому счету «Человеческая комедия» неделима.

* * *

Наполеон однажды сказал о себе: «Будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия земли, если бы ни Руссо, ни я никогда не существовали»³¹. Он выступил в тот исторический момент, когда могучий революционный порыв конца XVIII в. еще не исчерпал себя полностью и вместе с тем революция зашла, по закону всех революций, дальше исторически возможного³², была уже обезглавлена, должна была пойти на спад. История и природа объединились, чтобы создать сложнейшую личность. Еще одно его раздумье о себе: «Я только слуга природы вещей...»³³.

Наполеон и все связанное с ним представляет огромный конкретно-исторический и нравственно-философский интерес. Что в его отношении к обществу и человечеству способствовало его возвышению, что вело к падению? Как ограничивает возможность исторического деятеля его социальная и нравственная позиция? На его облик наложились образы, созданные большими художниками, которые внесли в свою модель что-то и от самих себя³⁴. Среди этих художников Бальзак занимает достойное место. У него Наполеон дан в великом множестве связей — в этом его несомненное своеобразие. Создавая образ Наполеона, Бальзак пользовался тем же методом, каким он создавал центральные персонажи «Человеческой комедии». В нем воплотилось стремление автора «дойти до самой сути», ничего не потеряв, — ни связей, ни соотношений, ни внутренних противоречий, показать человека как личность и как социальное явление в процессе развития, не упустить ни одной из возможных точек зрения на него. Бальзак недаром любил пользоваться словами «ученый», «историк» взамен слова «художник», хотя отнюдь не смешивал эти понятия.

Как отмечает французский исследователь, в наше время не проходит недели без появления новых работ о Наполеоне. Про-

шло более чем 150 лет после его смерти, а он продолжает порождать неистовые страсти. На историю Наполеона, как на историю Революции, воздействуют современные проблемы, злоба дня. Образ Наполеона, созданный Бальзаком, по-прежнему вызывает интерес ученых³⁵. Бальзак не подпал под влияние ни народной «наполеоновской легенды», ни «черной» антилегенды реакционеров, но стал историком той и другой. Созданный им образ Наполеона — «возвращающийся персонаж» «Человеческой комедии» — очевидно, наиболее многосторонний по материалу, сложный и объективный.

Несомненно, у Бальзака был и свой «наполеоновский миф». Этот миф связан с культом духовной энергии и той художественной задачей, которую Бальзак себе ставил, — охватить все социальное и человеческое, быть универсальным художником. В переписке он часто сравнивал себя с людьми иного упорнейшего труда: с рудокопом, засыпанным при обвале и пробивающим выход; с каменщиком; с римским рабом, вращающим жернова; кораблестроителем; архитектором; республиканским генералом, ведущим кампанию без хлеба и сапог... В этом плане работа над очерчным романом или повестью, вечно при враждебных обстоятельствах и почти в немыслимых темпах, уподобляется также и битве первого консула при Маренго и Шампобере, войне во Франции. Но легенда об энергии Наполеона, сметающей препятствия, не помешала писателю увидеть многое и многое за ее пределами, не упростила всю сложность исторической действительности. Побеждающая энергия — только грань образа, созданного в «Человеческой комедии».

В 1844 г. Бальзак, развивая свою давнюю тему о достоинстве литературы и общественном значении художника, писал: «...режим террора, Наполеон, Людовик XIV, Тиберий, самые неистовые властители и самые прочные установления меркнут рядом с писателем, который становится эхом своего века» (24, 355).

³¹ Girardin S. Journal et souvenirs, discours et opinions. P., 1828. Т. 3. P. 190.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 534; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.

³³ Цит. по: Манфред А. З. Указ. соч. С. 462.

³⁴ См.: Рейзов Б. Г. Пушкин и Наполеон // Рейзов Б. Г. Из истории европейской литературы. Л., 1970; Он же. Стендаль: Философия истории. Л., 1974. Гл. «Наполеон»; Чавчанидзе Д. Л. Романтический роман Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М., 1982. С. 51–52; Massin J. Le retour de l'Empereur // Hugo V. Oeuvres complètes. Édition chronologique en 18 vol. P., 1968. Vol. 6; Усок И. Наполеоновский цикл // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981; Симонов К. Читая Толстого... // Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1983. С. 16.

³⁵ Hauterive E. d'. L'Enlèvement du sénateur Clément de Ris. P., 1931. В книге А. З. Манфреда семь упоминаний и ссылок на Бальзака, в том числе с определением: «весьма точно» (Указ. соч. С. 381).